

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

ОП

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 6 (19)

1909.

Десять лѣтъ назадъ.

А. П. Ленскій за работой надъ своимъ проектомъ
памятника Гоголю.

МОСКВА

Исторія перваго представлєнія „Чайки“ на сценѣ Александринскаго театра 17 октября 1896 г.

Воспоминанія Евт. Павл. Карпова.

(Окончаніе*).

Открыли занавѣсъ.

Въ первомъ же явленіи, когда Маша предлагаетъ Медвѣденко понюхать табуку и говорить: „Одолжайтесь!“ въ зрительномъ залѣ раздался хохотъ...

Когда Сорнина—Давыдова вывезли на сцену въ креслѣ (на чемъ настаивалъ Антонъ Павловичъ), публика покатила со смѣху. Кое-кто зашикалъ, чтобы унять неумѣстный смѣхъ. Но „весело настроенную“ публику было трудно остановить. Она придиралась ко всякому поводу, чтобы посмѣяться... Фразы Сорнина, сказанныя безъ всякаго подчеркиванія, въ родѣ: „У тебя маленькій голось, но противный“, вызывали хохотъ. Выходъ Варламова—Шамраева съ фразой— „Въ 1873 году“,—хохотъ... Появляются изъ-за куста тѣни,—необыкновенное веселье въ зрительномъ залѣ.

Нина—Коммиссаржевская нервно, трепетно, какъ дебютантка, начинаетъ свой монологъ:

„Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...“
Неудержимый смѣхъ публики...

Коммиссаржевская повышаетъ голось, говоритъ проникновенно, искренно, сильно, нервно...

Проектъ памятника Гоголю, работы
А. П. Ленскаго.

Покойный А. П. Ленскій, обладавшій, какъ извѣстно, крупнымъ талантомъ художника и скульптора,—сдѣлалъ свой проектъ памятника Гоголю. Воспроизводимъ снимки съ этого интереснаго проекта, предоставленныя намъ А. М. Кондратьевымъ.

Залъ затихаетъ. Напряженно слушаютъ. Чувствуется, что артистка захватила публику.

Но вопросъ Аркадиной: „Сърой пахнетъ! Это такъ нужно?“ снова вызываетъ гомерическій хохотъ...

Лучшія мѣста перваго дѣйствія пропали, непонятія „веселой публикой“.

Конецъ акта прошелъ благополучно, и когда закрылся занавѣсъ, раздался аплодисменты.

Актеры вышли на вызовъ.

В. Ф. Коммиссаржевская, взволнованная, со слезами на глазахъ, бросилась ко мнѣ со словами:

— Что же это за ужасъ!.. Я провалила роль... Чему они смѣются?

Я успокоилъ ее, сказавъ, что она превосходно сыграла первый актъ, что если и дальше она будетъ играть съ такимъ подъемомъ, то, навѣрно, захватитъ публику.

Второе дѣйствіе прошло недурно.

Варламовъ въ своей сценѣ съ Аркадиной снова вызвалъ смѣхъ всего зала и ушелъ подъ аплодисменты.

Сцена между Тригоринымъ и Ниной не произвела должнаго впечатлѣнія. Сазоновъ—Тригоринъ провель свою роль съ искусной актерской техникой, но мало-характерно. Въ немъ не чувствовался писатель. Его жалобы на свою писательскую долю, на ужасы его жизни, на его мученія, неразлучныя съ творчествомъ, звучали неубѣдительно. Въ нихъ не было глубины страданія, надрыва, „меланхоличности“, а главное не было искренности.

Чудный по художественной простотѣ конецъ второго акта публика не оцѣнила.

Она, очевидно, ждала совсѣмъ иного, и разочаровалась.

Третій актъ доставилъ публикѣ много веселья.

Выходъ Треплева съ повязкой на головѣ—смѣшокъ въ залѣ. Аркадина дѣлаетъ перевязку Треплеву—неудержимый хохотъ. Конецъ сцены между Аркадиной и Треплевымъ, когда они начинаютъ надѣлять другъ друга такими эпитетами, какъ: „Декадентъ, кіевскій мѣщанинъ, скряга, оборвышъ!“—веселятъ публику.

Варламовъ—Шамраевъ въ своемъ монологѣ объ актерѣ Измайловѣ и его оговоркѣ: „Мы попали въ запендю...“ снова вызываетъ смѣхъ. И послѣдняя, финальная сцена третьяго акта пропадаетъ.

Шумъ зъ залѣ. Вызовы автора и актеровъ... Шиканье...

Ко мнѣ въ кабинетъ, блѣдный, съ растерянной, застывшей улыбкой, входитъ Ант. Павловичъ...

— Авторъ провалился...—говоритъ онъ не своимъ голосомъ...

— И почему они все смѣются, идиоты!..—съ раздраженіемъ замѣчаетъ Н. Ф. Сазоновъ.

Меня вызываютъ на сцену.

В. Ф. Коммиссаржевская вся дрожитъ въ нервномъ припадкѣ.

— Я боюсь, Евтихій Павловичъ, повторять монологъ перваго акта... Они опять будутъ смѣяться... Я уйду со сцены... Это пытка... Я не могу...

— Ничего, Вѣра Федоровна, обойдется... — успокаиваю я...—У васъ до монолога трогательная сцена... Только вы не завертывайтесь въ простыню... Публика такая, что одно рискованное движеніе—и смѣхъ...

— Да, да... Я не буду завертываться въ простыню... Вы скажите Антону Павловичу...

— Хорошо, хорошо... Я скажу... Начинаемъ... Давайте занавѣсъ.

Стою въ темнотѣ за кулисами и съ нервнымъ напряженіемъ слушаю, что-то будетъ.

Коммиссаржевская ведетъ сцену превосходно. Съ необычайнымъ нервнымъ настроеніемъ. Тонко, проникновенно и до слезъ трогательно. Р. Б. Аполлонскій, видимо, зараженный ея настроеніемъ, играетъ съ подъемомъ.

Съ замираніемъ сердца, жду я монолога Нины.

„Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки“...—начинаетъ Коммиссаржевская.

Въ залѣ гробовая тишина. Ни одного смѣшка.

Мимо меня въ темнотѣ проходитъ Антонъ Павловичъ. Останавливается на минутку, прислушивается. Пожимаетъ мнѣ руку и неслышно отходить.

Коммиссаржевскую провожаютъ со сцены аплодисментами.

По окончаніи пьесы, вызываютъ автора и артистовъ.

Но Антона Павловича уже нѣтъ въ театрѣ. Актеры выходятъ одни.

И до сего дня я не могу безъ волненія вспоминать этого знаменательнаго вечера перваго представленія „Чайки“.

Вижу блѣдное лицо Ант. Павл. Чехова, съ растерянной, застывшей улыбкой, слышу тусклый, хриплый голосъ, которымъ онъ произнесъ фразу: „Авторъ провалился“.

На другой день утромъ ко мнѣ въ театръ пріѣхалъ А. С. Суворинъ, разстроенный, огорченный за Чехова до болѣзни.

Онъ сообщилъ мнѣ, что Ант. Павл. съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Москву, и просилъ его совместно со мной сократить пьесу и выбросить кое-какія ремарки.

21-го октября „Чайка“ шла во второй разъ, со сдѣланными А. С. Суворинымъ и мной небольшими купюрами и измѣненными ремарками.

Театръ былъ переполненъ. Публика (не бенефисная) съ полнымъ вниманіемъ слушала пьесу.

„Чайка“ имѣла выдающійся успѣхъ, но... было поздно. Всѣ газеты оповѣстили уже о провалѣ „Чайки“ на первомъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ.

Пьеса прошла пять разъ при полныхъ сборахъ и при неослабномъ успѣхѣ. Она была снята съ репертуара дирекціей театровъ, несмотря на мой энергичный протестъ.

Евтихій Карповъ.